

Государство Инчжоу, Юг.

Глубокая зима. На вершине горы Тяньму стоит девушка в алом плаще. Её изящная фигура окутана утренней дымкой, а тонкие, словно выточенные из фарфора руки, прикрыты широкими рукавами. Крыши храмов уже укрыты толстым слоем снега.

Снежинки опускаются на её бледные пальцы, ледяная прохлада пробирается в самую душу.

В памяти всплывают строки Ли Бо о горе Тяньму: «Тяньму, взметнувшись к небу, преграждает путь, мощью своей затмевая Пять священных гор. Сорок восемь тысяч чжанов высоты — кажется, гора вот-вот накренится на юго-восток».

Ни рельеф, ни крутизна, ни высота не уступали описанным в стихах. Именно поэтому мало кто решался покорить эту вершину. Но в те короткие три дня, что проходят между первыми снегопадами и началом настоящей метели, на горе Тяньму пролегает чудесная тропа — путь, ведущий прямо к самой вершине. Никто не мог объяснить природу этого удивительного явления. Романтичные поэты в шутку говорили, что боги сами прокладывают этот путь, чтобы люди могли насладиться красотой горы и воспеть её в стихах.

Она всегда вела уединенный образ жизни, и об этих легендах ей, разумеется, с восторгом рассказывала вездесущая Лян Сеюнь.

Три дня назад она, как обычно, отправилась в храм Бодхи, чтобы зажечь лампы и помолиться за здоровье матери. Непоседливая Лян Сеюнь вызвалась сопровождать её. Когда сегодня они собирались возвращаться домой, ночной снегопад заблокировал дорогу, и расчистить её можно было не раньше завтрашнего дня. Маленькая принцесса, не привыкшая сидеть на месте, тут же загорелась идеей взойти на гору Тяньму. Цзи Фаньинь пыталась отговорить её, но упрямство принцессы было подобно скале — даже десяток быков не сдвинул бы её с места. Делать было нечего, пришлось согласиться.

Странное дело: по пути вверх, хотя с деревьев и земли и сыпал густой снег, он таял, едва коснувшись поверхности, словно всё увиденное было лишь призрачным видением.

Пока мысли блуждали в прошлом, девушка невольно оглянулась: а где же та самая принцесса, так рвавшаяся полюбоваться снегом?

Взгляд Цзи Фаньинь на мгновение замер, в глазах мелькнуло удивление, но тут же сменилось привычным равнодушием. Метрах в ста от беседки стоял мужчина в черном парчовом халате. Линии его лица были четкими, словно высеченными резцом искусного мастера. Встретившись с ней взглядом, он на секунду замер, а затем его глаза вспыхнули обжигающим пламенем.

Цзи Фаньинь сделала вид, что не заметила его. Но в душе невольно мелькнула мысль: неужели ему не холодно в такой легкой одежде?

На жаровне закипел чайник, крышка запрыгала, выпуская пар. В кипятке распустились бутоны восковой сливы, наполнив воздух тонким ароматом. Десять пальцев девушки, изящных и плавных в каждом движении, разливали чай. На столе, украшенном сине-белым узором, лежала корзинка с бергамотом. Отдыхать в таком уединенном дворике, любуясь луной и наслаждаясь чаем, было истинным удовольствием.

Мужчина решительно подошел и сел напротив. Его крупные ладони взяли лаковый чайник, и золотистая жидкость тонкой струйкой полилась в чашку. Цзи Фаньинь искоса взглянула на него: от холода кожа на его сильных руках слегка покраснела.

— Брать без спроса — таков ваш способ принимать гостей? — холодно спросила она.

Лян Сеюнь поставил чайник и, беспомощно приложив руку ко лбу, ответил невпопад:

— Я не знал, что сегодня Сеюнь приведет тебя сюда.

Цзи Фаньинь приподняла бровь, и в этом жесте проступила вся её врожденная грация. Сначала она удивлялась, какой отшельник так любит гору Тяньму, что построил здесь дом. Но когда увидела, как Лян Сеюнь уверенно постучала в дверь, а слуги с поклоном и удивлением открыли её, она сразу всё поняла.

— Если не знали, то почему сейчас отбираете у меня чай?

— Если мне не изменяет память, эта восковая слива растет в моем саду.

Цзи Фаньинь всегда раздражало, когда он величал себя в третьем лице. Стиснув зубы, она процедила:

— Разве Третий ван не слышал поговорку о том, что один сажает дерево, а другой пользуется его тенью?

Лян Сеюнь приподнял бровь и нарочито ответил:

— В таком случае, я разочарую госпожу Цзи, если она обо мне такого высокого мнения.

У Цзи Фаньинь перехватило дыхание от возмущения. Она выхватила у него чашку, которую он уже подносил к губам. Лян Сеюнь впервые видел её такой несдержанной и опешил. Они знали друг друга с детства, он был на пять лет старше и всегда уступал ей, а она, тихая и молчаливая, никогда прежде не вступала с ним в подобные перепалки. Но сейчас слова сами собой срывались с его губ.

Поднялся холодный ветер, качая верхушки деревьев. Цзи Фаньинь недовольно сверкнула

глазами, и в этот момент она почувствовала резкую боль в тыльной стороне правой руки, державшей чашку.

Дзынь!

Чашка разбилась, черепки и чай смешались в лужицу.

— Кто здесь? Стой!

Лян Сеюнь, словно ловкий орел, бросился в погоню за замеченной добычей. Миниатюрная фигура в черном одеянии, не оглядываясь, неслась прочь. Проскочив сквозь заросли, она тяжело дышала, а сзади уже слышались четкие шаги. Поняв, что не уйти, беглянка резко остановилась, взмахнула длинным кнутом, скрытым в рукаве, и нанесла стремительный, смертельный удар.

Лян Сеюнь ловко уклонился и тут же перешел в контратаку. После нескольких обменов ударами противница, уступая ему в мастерстве, оказалась прижата к земле.

— Не причиняй ей вреда! — запыхавшись, прибежала Цзи Фаньинь, прижимая руку к груди.

Переведя дыхание, она спросила:

— Почему ты здесь?

Лян Сеюнь с недоумением посмотрел на неё:

— Ты её знаешь?

Цзи Фаньинь встретила взглядом с Юнь Цзинь и слегка кивнула. Юнь Цзинь была танцовщицей, которую она пригласила в поместье, когда работала над Танцем Золотого Лотоса. Они часто обсуждали литературу и искусство танца. Кто бы мог подумать, что у неё есть другая сторона...

Юнь Цзинь горько рассмеялась, процедив сквозь зубы:

— Если бы Лян Дицзюнь тогда не поверил клевете и не уничтожил мой род, разве мы с братьями оказались бы в такой нищете?

Лян Сеюнь незаметно заслонил собой Цзи Фаньинь и холодно ответил:

— После того как правда вскрылась, отец быстро восстановил ваше доброе имя. Он даже

посылал людей на поиски выживших, чтобы искупить свою вину.

— И что толку? Разве вернет это жизни трехсот двенадцати человек из моего рода?

В ледяном воздухе повисла тишина. Цзи Фаньинь едва слышно вздохнула:

— Значит, после провала покушения вы решили нацелиться на вана и принцессу?

Если она не ошиблась, в той чашке был яд.

Юнь Цзинь криво усмехнулась:

— Именно так.

Лян Сеюнь и Цзи Фаньинь похолодели: Сеюнь...

Не давая им опомниться, Юнь Цзинь крикнула:

— Берегитесь скрытого оружия!

Лян Сеюнь инстинктивно развернулся спиной к ней, прижимая Цзи Фаньинь к себе.

Бах!

Серо-черный дым окутал их. Когда дым рассеялся, Юнь Цзинь и след простыл. Лян Сеюнь взглянул на пасмурное небо, его зрачки сжались. Плохо дело.

Он крепко взял её за тонкое запястье и потянул вниз по тропе. Но тропа словно заколдованная: кусты превращались в сухие колючие ветви, преграждая путь. Вскоре дорога исчезла вовсе, сменившись густыми зарослями.

— Что происходит?

В глубоких глазах Лян Сеюня отразилось её недоумение:

— Сеюнь не сказала тебе главного. Чтобы выбраться с горы Тяньму, нужно начать спуск под углом пятьдесят градусов на запад от камфорного дерева. Иначе останешься здесь навсегда.

Как они сейчас.

В холодном небе повис бледный серп луны. Снег прекратился, вокруг воцарилась тишина. Костер весело трещал, освещая их лица. Цзи Фаньинь сидела, прислонившись затылком к плечу мужчины. Его профиль был безупречен, словно творение рук божества. Он вытянул длинные ноги, одна рука покоилась на колене, другая была расслабленно опущена. Дыхание его было ровным, казалось, он уснул.

Золотистые серьги с черепаховым панцирем слегка покачивались. Цзи Фаньинь накрыла его своим алым плащом. Она осторожно взяла его правую руку. В свете костра она увидела, что локоть, выглядывающий из-под рукава, весь покраснел. Она знала, что это следы обморожения. Сердце пронзила острая боль.

Перед темнотой он собирал сухие дрова и развел огонь с помощью двух кремней, которые непонятно откуда взял. Сначала она удивлялась, как они могут дать искру, но, увидев рядом картофельные очистки, поняла — он согревал камень собственным теплом, чтобы убрать влагу.

— Дурак, — прошептала она, невольно улыбаясь. Её теплые пальцы нежно коснулись покрасневшей кожи, чтобы не разбудить его.

В уютной тишине вдруг раздался шорох. Цзи Фаньинь вздрогнула и, как испуганный кролик, прижалась к груди Лян Сеюня. Мужчина едва заметно улыбнулся и крепче обнял её. Открыв глаза, он посмотрел на источник шума. Кто посмел напугать его девушку?

Он быстро метнул камешек в сторону кустов, а через мгновение уже держал за уши маленького зверька. Он ласково похлопал девушку по плечу, приглашая её взглянуть. Цзи Фаньинь, всё еще дрожа, приоткрыла глаза и, увидев пушистого кролика, невольно расплылась в улыбке, прижимая его к себе.

Лян Сеюнь: «...»

Ночь становилась глубже. Во сне Цзи Фаньинь видела странный сон. Она стояла на полукруглой площади в белом платье, растерянно озираясь по сторонам. Прохожие проходили мимо, не замечая её, словно она была призраком. Вдруг она услышала голос: «Вернись, лучше вернись».

Она побежала и увидела мужчину в черном костюме. Он обернулся, и в лучах света его лицо показалось ей знакомым.

— Нужна помощь? — тепло улыбнулся он.

— Ты меня видишь? — удивилась она.

— Конечно.

Вдалеке кто-то крикнул: «Вэй Шань, сюда!»

«Иду», — ответил он, взмахнув веером.

Цзи Фаньинь вздрогнула. Его имя... Вэй Шань?

— Шань, как в слове «добрый»? — спросила она.

Вэй Шань взял её за руку, рисуя иероглиф на ладони.

— Шань — значит острый, — прошептала она.

— Вы тоже читали «Шовэнь»? — удивился он.

Она хотела что-то сказать, но вдруг почувствовала резкую боль в руке, словно её кто-то укусил, и всё вокруг закружилось в вихре...

Цзи Фаньинь проснулась в холодном поту. На её запястье сидел кролик и покусывал её. Утро уже занималось, от костра остались лишь угли. Она посмотрела по сторонам — никого. Он снова бросил её?

— Лян Сеюнь, где ты? — позвала она, но в ответ лишь запели птицы.

Не найдя его, она села на камень, уставшая и голодная. Погладив кролика, она сердито пробормотала:

— Все эти Ляны — одного поля ягоды.

Кролик тут же выпрыгнул из рук и умчался в лес. Цзи Фаньинь только руками развела.

— Уходишь? Ну и ладно. Что должно случиться — случится, а что должно уйти — уйдет...

В конце концов, она и сама найдет дорогу.

С первыми лучами солнца из тумана возник черный силуэт. Низкий голос прозвучал совсем рядом:

— Путь открыт.

Цзи Фаньинь схватилась за сердце:

— Ты что, призрак? Ходишь бесшумно!

В ответ — лишь уверенные шаги прочь.

Цзи Фаньинь: «...»

Она попыталась встать, но ноги, уставшие от вчерашней ходьбы, подкосились, и она снова села на камень. Лян Сеюнь оглянулся: девушка, согнувшись, растирала икры, а утренний свет падал на её бледное, как снег, лицо.

— Что с ногами?

Обиженная Цзи Фаньинь промолчала. Она никак не могла взять в толк, почему мужчина, который вчера был так заботлив, сегодня ведет себя совсем иначе.

<http://bllate.org/book/25721/3075298>